

— Я знаю. Но если я пойду против нее из-за наказаний, которые она мне назначает, она просто использует мое возмущение, чтобы назначить мне еще больше наказаний, — ответил Гарри, в тот момент не совсем понимая, что думать о своем лучшем друге и их странном разговоре. — Но она делает что-то незаконное! — воскликнул Рон. — И не говори мне, что это ерунда! Я видел, как ты потираешь руку в странное время. Я видел слова, выгравированные на них! Ты не можешь позволить ей продолжать... — Я не позволю, — сказал Гарри. — Но это... — он показал Рону свою руку с выгравированными на ней словами. — Это может быть скрыто Министерством, если я не сделаю все правильно. Мне нужен катализатор, чтобы у меня был шанс заполнить ее. Что-то большое — и не говорите мне, что что-то подобное легко найти! Рон открыл рот, чтобы возразить, но единственное, что он сумел выдать, было: — Черт возьми! Ты действительно думаешь, что министерство или учителя ничего не сделают, если... — Я ходил к МакГонагалл, — сказал Гарри. — Я пытался ей сказать. Она не хочет слушать. И это была правда. Он пошел к ней — не потому, что нуждался в ее помощи, а потому, что был уверен: если он не пойдет к ней, никто не пойдет. Он прекрасно знал, что с его политической властью даже здесь, в школе, было много людей, которые смотрели на него сверху вниз. Если он не пойдет к учителям, никто не пойдет, потому что если он смог вынести это, то смогут все. Поэтому Гарри пошел. Он пошел на следующий день после своего первого задержания, но единственное, что сказала ему МакГонагалл, было: «Не высывайся». Она даже не стала слушать его, когда он сказал, что не сделал ничего, чтобы разозлить министерскую жабу — не то чтобы он так ее называл, заметьте — и даже не посмотрела на его руку, словно боялась увидеть, что его претензии были не просто словами. Именно в этот момент Гарри в полной мере ощутил, как далека школа от тех идеалов, на которых она была построена. — Она... она не слушала? — повторил Рон, неверие окрасило его голос. Гарри лишь горько улыбнулся ему. — Добро пожаловать в мой мир, Рон, — сказал он, продолжая писать эссе. — Но... но... но твоя рука! Я видел твою руку! Не может быть, чтобы она не видела... — Она даже не подняла голову, чтобы посмотреть, Рон. Это все, чего ты хотел? Рон таращился на него еще мгновение или два, а потом промолвил: — Нет! Я хотел сказать «прости»! — За что, Рон? — спросил Гарри, подняв бровь. — За то, что был глупцом и пошел к директору, прежде чем попытался поговорить с тобой, — сказал Рон. — Я знаю, что иногда я бываю придурком, и я знаю, что часто не вижу дальше своего носа, но, Гарри, пожалуйста! Я действительно сожалею о своем поведении в тот день! Я должен был пойти к тебе! Я должен был поговорить с тобой! Мне очень, очень жаль, что я просто пошел за Гермионой в кабинет директора и все ему рассказал! На этот раз Гарри отложил перо и посмотрел на Рона с серьезным выражением лица. — Так ты думаешь, что теперь, после того как ты извинился, все снова будет хорошо? — спросил он, внимательно разглядывая мальчика. Рон поерзал на своем сиденье. — Я... я не знаю, — сказал он, его голос был странно мягким. — Думаю, я не могу винить тебя, если ты хочешь продолжать злиться на меня. Мерлин знает, я бы никогда не простил тебя за тот трюк, который я провернул, и я думаю... я думаю, я должен смириться с этим, если ты сделаешь то же самое. Тем не менее, я сожалею. Даже если ты не можешь меня простить, я хотя бы должен это сказать. Единственное, что я могу предложить, это сказать тебе, что я постараюсь никогда больше так не делать. Гарри изучал лицо своего лучшего друга. Рыжеволосый мальчик перед ним смотрел на него с искренностью в глазах. Рон говорил серьезно. Действительно серьезно. И даже если Гарри не был тем Гарри, с которым Рон дружил до лета, Гарри все еще колебался, стоит ли отказываться от извинений Рона. Наконец он вздохнул. — Я принимаю твои извинения, — сказал он рыжей голове. — Но это не значит, что наша дружба осталась прежней. Я не буду доверять тебе так легко, как раньше, и я не уверен, что когда-нибудь снова доверю тебе секрет. Мне очень жаль. И с этим Гарри вернулся к своей домашней работе, не в силах смотреть на рыжую голову перед ним. — Я понимаю, Гарри, — наконец сказал Рон после того, как между ними воцарилось молчание. — Спасибо, что простил меня. И тут рыжая голова, который обычно занимался чем угодно, только не домашней работой, достал свой реферат по истории магии и начал писать о войнах гоблинов. — Тебе следует добавить Великую битву на Северных полях к

тем войнам, которые ты исследуешь, — посоветовал Гарри через несколько минут. — Где-то в библиотеке есть отчет свидетелей, который показывает сторону гоблинов. — Ху? Какого свидетеля? — ошарашено спросил Рон. Гарри просто пожал плечами. — Принц Сальвазсахар Пендрагон, сын Артура Пендрагона, — сказал он. — Принц сражался на стороне гоблинов в той войне, так что это определенно расширяет твоё представление о гоблинских войнах. Рон моргнул раз, потом два. Наконец он медленно кивнул. — Э... спасибо, наверное, — сказал он, уставившись на Гарри так, словно тот был чужим существом. — Не за что, я думаю, — ответил Гарри и вернулся к своему эссе. Через полчаса он наконец закончил, собрал его и встал. — Куда ты идешь? — спросил Рон, потом поймал себя на мысли. — Я имею в виду, если ты не против, что я спрашиваю, то есть... — У меня корректирующие зелья со Снейпом, — сказал Гарри. Рон посмотрел на него с недоверием. — Ты преуспеваешь в каждом зелье с начала года — так почему, клянусь мокрыми трусами Мерлина, у тебя корректирующие зелья? — Вот в чем вопрос, Рон, — сказал Гарри, ухмыляясь. — Спроси директора. В конце концов, это он придумал это идиотское объяснение — но тогда, может быть, Снейп никогда не говорил ему, что я вызубрил книгу по зельям за лето? И с этим Гарри вышел из комнаты и направился в подземелья, чтобы встретиться с человеком, которого он планировал однажды сломать. — Легилименс! Гарри был озадачен. Так это и были те уроки, которые Дамблдор хотел провести для Гарри?! Ни введения, ни теории — только «Очисти свой разум» и «Легилименс»?! Гарри не был впечатлен. И, возможно, он был бы совершенно взбешен, если бы уже не знал, что нужно знать об Окклюменции и Легилименции. Может, сегодня эти искусства и были какой-то непонятной ветвью магии, но когда Гарри учили, это было совершенно необходимо. И Гарри до сих пор так считал. Если бы он был учителем, то обучил бы своих учеников обоим искусствам, как только они поступили под его опеку... Да, сейчас он был учеником... Вернувшись из мира мыслей, Гарри почувствовал, как учитель усмехается. — Я же говорил тебе очистить свой разум, Поттер! — бросил Снейп. У Гарри и вправду был ясный ум — не то, чтобы Снейп мог это знать. Поэтому Гарри, конечно, не стал бы пытаться делать то, что он уже освоил, когда ему было всего пятнадцать. Но откуда Снейп мог знать? Гарри был уверен, что его Окклюменция была совершенно иной, чем все, что он когда-либо видел. И, возможно, никогда больше не увидит... Обычное искусство Окклюменции заключалось в том, чтобы закрыть все свои воспоминания, оставив разум пустым для любой попытки чтения. Гарри же не думал об этом. Когда ты очищаешь свой разум до такой степени, что в нем нечего искать, все начинают подозревать, а Гарри этого не мог и не хотел допустить. В прошлом ему слишком часто приходилось играть роль незащищенного, беспомощного подростка, чтобы просто очистить свой разум от всего, что кто-то попытается прочитать. Поэтому он использовал другой подход, тот, которому научил его отец.